

бумаги. Я не мог придумать, что из того выйдет. «Это что?» спросил важно Пугачев.

— Прочитай, так изволишь увидеть, — отвечал Савельич. Пугачев принял бумагу и долго рассматривал с видом значительным. «Что ты так мудрено пишешь?», сказал он наконец. «Наши светлые очи не могут тут ничего разобрать. Где мой обер-секретарь?»

Молодой малой в капральском мундире проворно подбежал к Пугачеву. «Читай вслух» сказал самозванец, отдавая ему бумагу. Я чрезвычайно любопытствовал узнать, о чем дядька мой вздумал писать Пугачеву. Обер-секретарь громогласно стал по складам читать следующее:

«Два халата, миткалевый и шелковый полосатый, на шесть рублей.»

— Это что значит? — сказал, нахмурясь, Пугачев.

— Прикажи читать далее — отвечал спокойно Савельич.

Обер-секретарь продолжал:

«Мундир из тонкого зеленого сукна, на семь рублей.

«Штаны белые суконные, на пять рублей.

«Двенадцать рубах полотняных голландских с манжетами, на десять рублей.

«Погребец с чайною посудой, на два рубля с половиною. . .»

— Что за вранье? — прервал Пугачев. — Какое мне дело до погребцов и до штанов с манжетами?

Савельич крякнул и стал объясняться. «Это, батюшка, изволишь видеть, реестр барскому добру, раскраденному злодеями. . .»

— Какими злодеями? — спросил грозно Пугачев.

«Виноват: обмолвился», отвечал Савельич. «Злодеи не злодеи, а твои ребята, таки пошарили, да